

В небольшой гостиной тихо раздавались звуки ночного телешоу.

Это была жилая комната поместья Касимы.

Два человека смотрели телевизор, улавливая слабый шум дождя снаружи.

То были Касима и прислонившаяся к нему Нацу.

Они сидели перед столом на подушках.

На столе находились две бутылки саке и две соответствующие чашечки.

— Смотрю, тебе понравилась обжаренная песчанка.

Касима неожиданно осознал, что продолжал возвращать свои палочки в кастрюлю с небольшой рыбой.

— Фишка в том, чтобы отдельно приготовить песчанку и жареный тофу в бонито бульоне, и смешать их вместе потом.

Мужчина не знал, какой эффект это вызывало, но количество рыбы, что он уже подхватил, говорило само за себя.

— Она хорошо идет с саке.

Он отхлебнул саке, которое они редко когда выставляли на стол.

Затем припомнил ужин прошлой ночи.

Основными блюдами был сквош и блюдо из угловатой фасоли с варёными побегами бамбука, завёрнутыми в ветчину.

Это всё хорошо шло с рисом и мисо супом.

Находясь дома, Касима чувствовал себя гораздо лучше.

Помогало то, что рядом с ним был дорогой человек.

Пребывание с ней вызывало у него ощущение, что он постепенно преодолевает мысли, которые

угнетали его все это время.

Пространство, откуда пришла его дрожь перед 3-м Производственным Помещением, заполняло нечто новое.

Что же он выбрал?

Всё будет хорошо, — подумал Касима, пересмотрев свои размышления.

Но поймет ли Нацу, где блуждали его мысли? Она поднесла толстую чашку саке ко рту, и тихонько рассмеялась кошачьим голосом.

Касима улыбнулся и налил в её чашку еще саке.

— Ой, Акио-сан. Почему ты пытаешься меня напоить? Ты что-то замышляешь?

— Мне больше нравится смотреть, как пьешь ты, чем пить самому.

— Правда? — спросила Нацу, выпив ещё одну стопку и снова рассмеявшись.

Затем, она подняла свою чашку.

— Ты это помнишь? Это с университетской поездки в наш четвертый год.

— Да. Это когда студентов семинаров заставили маршировать как рабов во имя раскопок в Инавасиро, не так ли? Ты вызвала огромный переполох, когда получила солнечный удар.

— Т-то было моё наказание, за попытку произвести впечатление. Когда меня отправили назад в Токио, ты прибежал за мной к платформе, и передал мне это.

— Твой отец... Профессор был очень строг. Я подумал, что насильно отправлять тебя домой даже без сувенира, это неправильно.

Припоминая, Касима горько улыбнулся. Мужчина попросту за неё переживал, но ему нужен был тогда повод. Он решил, что сейчас должен рассказать о своих истинных причинах.

Касима попытался сказать, что за неё переживал.

— ...

Но остановился.

Расскажи он ей правду, это ничего не изменит в настоящем.

Сейчас Нацу рассматривала толстую чашечку для саке в своей ладони.

— Если оглянуться назад, было весьма забавно. Ты сказал, что у тебя есть для меня сувенир, но передал мне то, что можно купить в любом магазине. Поэтому я спросила, почему ты подарил мне её. — Она улыбнулась, сохраняя при этом спокойный взгляд. — И ты мне сказал, что хотел что-нибудь, что не разобьется, если уронить, потому что я бываю неосторожной. Естественно, есть немало других вещей, которые бы подошли.

И...

— Ты тогда очень спешил, не правда ли?

Надо же, — подумал Касима, съезжившись. — Она меня на этом подловила.

— Это всё, что я видел в то время. Но я никогда не рассчитывал, что после летних каникул ты преподнесёшь мне такой же подарок в ответ.

Он слегка приподнял чашечку саке в руке. Она была такой же толщины, как и её.

— Ты купила её в какой-то поездке, не так ли? Твоя семья порой весьма требовательна насчет таких вещей.

— Я с радостью это сделала, потому что хотела тебя как-то отблагодарить. Но порой я бываю неосторожной, потому мне хотелось найти что-нибудь, что я не уроню или разобью перед тем, как подарить тебе.

...Какой ужасный способ отплаты.

Касима не мог подобрать на её улыбку слов в ответ, поэтому почесал затылок.

Затем Нацу безмолвно кивнула.

— Но мои переживания оказались напрасными. — Она подняла чашечку в левой руке. — В конце концов, ты готов был что-то принять даже после того, как его уронили и сломали.

По-прежнему улыбаясь, женщина немного отодвинулась.

Вот как, — подумал Касима, увидев это. — Я заставил ее волноваться.

Он заставил свою жену затронуть тему, к которой должен был подвести самостоятельно. Этой темой являлись его истинные чувства о прошлом.

И поэтому он кивнул и произнес:

— Нацу-сан.

— Да? — сказала она, вежливо присев рядом с ним и приглушив телевизор с помощью пульта.
— Это о твоей работе?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Я не знаю об этом практически ничего. Я не знаю, что вызывает это твое неуверенное выражение лица, или эту недавнюю скрытность. Но... это и дает мне понять, что речь о твоей работе.

— Я заставил тебя волноваться?

— Нет. Я знаю, что ты в итоге со мной об этом поговоришь, или извинишься. После того как ты внезапно купил ту дорогущую видеокамеру, ты целый месяц предо мною кланялся и каждый день приходил домой вовремя.

— Ну, во многом это потому, что я хотел использовать ту видеокамеру... Ну да ладно.

Они переглянулись и улыбнулись друг другу.

Вздыхнув, Нацу поднесла руки к груди.

— Это ничего. Я пью, так что если начну плакать, можно обвинить в этом алкоголь.

— Ты хорошо подготовилась, — Касима мягко подвел этим заявлением к следующему. — Я могу получить примерно два дня? Чтобы закончить важное дело, мне нужно оставаться на работе. Честно говоря, мне кажется, что я не захочу контактировать ни с кем за пределами офиса. И после этого...

— Время от времени это будет происходить снова, не так ли? Ты будешь периодически ставить работу выше своего дома.

Услышав это, Касима поднял взгляд.

Нацу держала руки у груди так, словно от чего-то защищалась

...Она знает, что я собираюсь сказать.

И поэтому мужчина без колебаний кивнул.

— Так и есть, — сказал он прямо.

— Понятно, — сказала она, со слегка смущенным взглядом, — Тогда, пока тебя не будет, я вернусь в семейный дом.

В темноте кто-то шевелился.

Это был Синдзё, проснувшийся под одеялом.

Поговорив с Саямой около восьми, он вырубился из-за боли.

Сколько времени прошло? Казалось, что прошел всего миг, но могли миновать и часы. Парень хотел, чтобы уже настало утро, но тьма и тишина за одеялом дала ему понять, что была поздняя ночь.

Странное чувство в животе сохранилось, но он ощущал теплоту вокруг его тела, лежа свернувшись калачиком на левом боку.

Одеяло, должно быть, хорошо удерживало тепло, потому что Синдзё совсем не чувствовал холода.

Боль должна скоро пройти, — подумал он с облегчением.

Затем вздохнул, расслабился, и его пульс прозвучал громче обычного. Он ощущал пот на своем челе, но не хотел убирать от себя руки. Это было непристойно, но чтобы вытереть пот, Синдзё попытался потереться лбом об простыню.

— Э?..

Он неожиданно осознал, что его голова лежала на чем-то напоминающем подушку.

Синдзё засунул голову под одеяло, поэтому она не могла находиться на его подушке.

Любопытствуя, что это был за подушкообразный объект, он поднял голову.

Холодный воздух за пределами одеяла коснулся его лица, и его ночное зрение сообщило ему, что это было.

— Саяма-кун?

Саяма спал, легонько обнимая Синдзё.

Его правая рука скользнула под левой щекой Синдзё и за его спиной. Его левая рука обернулась вокруг правого плеча Синдзё и так же обнимала его за спину.

Находясь в руках Саямы, Синдзё хранил молчание. Он ещё сильнее ухватился за собственное повернутое налево тело, и свернулся ещё больше.

Он видел эту композицию ранее. Куплет из песни, которую он знал, превратили в картину, и эта картина отображала богородицу, обнимающую её плачущее дитя.

— Christ the Savior is here...

Что он делает? — Задавался вопросом Синдзё, пробормотав строчку из песни.

Но он знал, почему богородица обнимала свое дитя.

...Вот что ты делаешь, когда кто-то важный для тебя плачет.

Ощущение от левой руки на спине, словно возвращало его к прошлому.

У него было воспоминание, как кто-то слегка похлопывал его спине, тогда как он страдал.

Это было воспоминание того, что Саяма только что сделал, или это воспоминание о забытой матери Синдзё?

Неважно, — подумал он. — Как бы там ни было, это приятное воспоминание.

Синдзё осознал, что левая рука Саямы немного напряжена у плеча.

Когда Саяма припоминал прошлое, он подносил правую руку к левой стороне груди.

Но прямо сейчас, эта рука служила для Синдзё подушкой. В таком случае, почему его левая рука выглядела таким образом?

Прости, — подумал он. — Причина, наверное, в его матери.

Синдзё кивнул, и перевел взгляд к изголовью кровати.

Будильник показывал, что было около двенадцати.

Пока он лежал без сознания, Саяма обнимал его целые часы?

...Прости.

Выражение лица спящего Саямы отличалось от того, с которым Синдзё будил его утром.

То было мирное выражение человека, закончившего свою работу. Он принял свою боль в груди как норму.

...Мне нужно пересмотреть свои действия.

До этого он пытался оставить всё на его боль, намекал, что исчезнет, и пытался навязать свой рассказ Саяме.

— Почему я это делал?

...Он, так или иначе, прочтет мой сюжет, даже если бы я этого не делал.

Синдзё прижался лбом к груди Саямы.

— Что ты обо мне думаешь?

Он закрыл глаза.

— Что ты обо мне подумаешь, разузнав мою ложь?

Касима мгновенно отреагировал на заявление Нацу о возвращении в семейный дом.

Он ожидал, что жена это скажет. Она находилась тут, потому что тут был он. Значит, если он уйдет...

— Так будет лучше.

— Да. Я уже давненько там не была, так что это вызовет поначалу некоторое недоумение.

— Наверняка.

Но её отец рисовал книжки с картинками и любил детей. Если она возьмет с собой Харуми, он не станет её ругать и не откажется впустить.

— Там, наверное, предстоит немалая уборка.

Это правда. Касима слышал, что с тех пор, как Нацу ушла, её комната оставалась нетронутой.

...Это доставит ей немало хлопот.

Она, должно быть, осознала, о чём он думал, потому что кивнула и произнесла:

— Но как раз время им высаживать рис, не так ли? Я люблю этим заниматься.

— Э?

— Что? Чем ты так озадачен?

— погоди минутку, Нацу-сан. Когда ты сказала, что вернешься в семейный дом, что именно ты подразумевала?

— Я подразумевала дом твоего отца и матери, конечно же.

Она удивлённо наклонила голову на своем ответе, и Касима почувствовал, как его покидает сила.

Он упал на спину и развалился на полу. В такое время Татами были ужасно холодны и комфортны.

— Ах, — сказала Нацу, словно кое-что осознав. — П-прости. Но... э... Я сейчас Касима Нацу.

— Нет, это я сделал неправильные выводы. Полагаю, ты можешь называть оба этих дома семейными.

— Я-я не могу в это поверить. Я вовсе не из тех жен, кто будет так поступать.

— Нет, не из тех. Действительно не из тех, — сказал он, садясь обратно.

Касима скрестил ноги и уставился перед собой, где Нацу и зарделась со смущенным выражением лица. Он вздохнул.

— Думаю, если ты неожиданно появишься, они не будут жаловаться.

— Вообще-то, сегодня я им звонила. Они намекнули, что им не хватает рук для посадки риса, потому я подумала, что раз ты на некоторое время уйдешь, я им помогу. — Она воззрилась на него. — Они должны дать нам немного риса, так что, мне можно поехать, да?

— У меня такое чувство, что мои родители подкупают мою жену едой... Но как насчёт Харуми?

— Твоя мама сказала, что научит меня новому способу её держать. Судя по всему, это связано с поддержкой её на спине с помощью пояса. А еще я наверняка наслушаюсь, как она в свое время носила так тебя.

— Прости, но, кажись, я завтра пойду куплю скрытый микрофон. Прошу, позволь мне проконтролировать, что они расскажут.

Касима горько улыбнулся. Он сожалел о семье Нацу, но для него так будет лучше.

Мужчина едва не извинился вслух, но удержался.

— Как бы там ни было, Нацу-сан.

— Да?

— Я знаю, что это очень для тебя хлопотно, но я по-прежнему не могу рассказать тебе о своей работе.

Он медленно потянулся, и взял Нацу за левую руку. Там не хватало безымянного пальца и мизинца. Касима закрыл оставшиеся пальцы своими ладонями, и Нацу задала вопрос.

— Это означает, что ты обманываешь меня в том смысле, что скрываешь правду, не так ли?

— Да. Это происходит с тех пор, как я впервые вот так взял тебя за руку.

— Тогда, для этой предстоящей работы, ты возвращаешься к тому, кем был, перед тем как взял меня за руку?

— Да. Я стану тем, кем был до того, как оставил университет и встретил тебя той дождливой ночью.

— Ясно, — сказала она, немного наклонив голову.

Она перевела дух, улыбнулась с опущенными ресницами, и задала другой вопрос:

— Эта работа имеет какое-то отношение к моей руке?

На вопрос Нацу, и на взгляд, направленный прямо на него, Касима дал ясный ответ.

— Имеет. Но я не могу сказать ничего больше.

— Ясно, — сказала она снова, перед тем как на пару секунд прикусить нижнюю губу.

Но женщина не опускала головы. Она продолжала смотреть прямо на него и задала еще один вопрос.

— Но дома все останется как прежде, правда?

— Останется. Как и прежде, я продолжу тебе лгать.

Выражение лица Нацу изменилось. С опущенными ресницами она образовала улыбку и опустила голову.

— Прощу, продолжай. И не извиняйся. Не жертвуй собой ради нашей с Харуми жизни.

Перед тем как воспользоваться правой рукой, чтобы вытереть глаз, женщина отпустила вторую руку.

Обеими руками она вытерла обе щеки.

Она прищурилась и сделала один грубый вдох.

— Акио-сан, я не знаю, да?

— Чего не знаешь?

— Я... вышла за тебя замуж, полностью тебя не зная, так что если ты перестанешь лгать, это вызовет трудности.

Слова Нацу заставили Касиму напрячься.

Увидев это, она подняла голову и произнесла озорным голосом:

— И знаешь, я ведь тоже тебя обманываю.

— Обманываешь?

Ее заплаканное лицо немного улыбнулось.

— Да. О моем детстве, моих шалостях и романтических отношениях в школе, о моих родителях и моих нынешних отношениях с людьми на работе. Я... тоже очень много обманываю.

Из её прищуренных глаз полились слёзы.

— Ты такой обманщик, Акио-сан. Ты Ямато Такэру.

— Это несколько зловеще. Согласно легенде, разве жена Ямато Такэру, Ототатибана-химэ не утопилась, чтобы уgomонить шторм?

— Да, но жена обманщика, разумеется, сама будет обманщицей. Она утопилась, но на самом деле этого не хотела. Вот почему история на этом не заканчивается.

— Э?

Вытерев слёзы, Нацу схватила Касиму за руки.

— Ямато Такэру её искал, и обнаружил, что её выкинуло на некоем пляже. Тот пляж именовался Сога, потому что там её вернули к жизни. Этот пляж находится в Тибете, рядом с Токио. — Она перевела дух. — Сога означает «воскресить себя». Это прямо как мы двое, разве нет?

— ...

— И после этого Ямато Такэру продолжал работать и умер от изнеможения. Но ни он, ни его жена не умерли от потери их лжи. Мир — это жестокое место. Но не пытайся перетрудиться до смерти.

Нацу подняла голову, и это движение заставило пару слезинок скатиться с уголков её глаз. Затем, она снова улыбнулась.

— Теперь, у меня есть просьба для Великого Бога нашей семьи Касимы и Ямато Такэру.

— Что же это, Ототатибана-химэ нашей семьи и плаксивая жена?

— Ох, бабушки.

Нацу покраснела, но ее выражение лица быстро успокоилось.

— Ты можешь работать, сколько захочешь. Ты можешь лгать, сколько захочешь. Ты можешь связаться в ночное перепалки с этим хулиганом Ацутэй-саном на его мотоцикле, если захочешь. — Она перевела дух. — Но прошу, всегда возвращайся домой.

У него был только один ответ. Касима едва не произнес «тэстамент», но поймал себя на этом.

— Я обещаю.

Он ее обнял, взял её левую руку и нежно поцеловал.

— Ах.

Она выглядела взволнованной, но поднесла недостающую часть руки к его рту.

На обрубках двух пальцев были небольшие углубления из-за морщин.

Когда он их чмокнул, Нацу тихо засмеялась.

Пока он зализывал её шрамы, она немного содрогнулась и произнесла:

— Для меня это место — включая ложь — и есть правда.

Её вытянутая рука покрылась потом, на вкус напоминающим кровь.

Когда они говорили, она выглядела спокойной, но наверняка волновалась.

Это относится и ко мне, — подумал Касима, твердо держа её левую руку.

Он сможет теперь услышать её пульс.

— Я вернусь домой, и не стану извиняться. И это определенно не ложь.

— Спасибо.

Нацу с закрытыми глазами приподняла голову, и мужчина убрал губы от её руки.

Он будет делать то, что должен, и там, где нужен.

Она снова услышала снаружи шум дождя.

— Акио-сан.

— Что?

Касима глянул на неё, но Нацу улыбалась, не опасаясь дождя.

— Мне неловко поступать так по отношению к Хару-тян.

Она произнесла тихую просьбу:

— Но не мог бы ты выделить немного времени только для меня?

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3275216>